

Уроженец Варшавы, Осип Эмильевич Мандельштам (1892–1938) получил серьезное гуманитарное образование: Тенишевское училище, Сорбонна, Гейдельбергский университет, историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В поэтической среде был примечен после первых же публикаций, о его стихах высоко отзывались Вячеслав Иванов, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Марина Цветаева. Вышедшие при жизни сборники — «Камень», «Вторая книга», «Стихотворения». Замечательны и прозаические произведения Мандельштама — автобиографический «Шум времени», повесть «Египетская марка», а также статьи «О природе слова», «Петр Чаадаев», «Разговор о Данте» — своеобразное эссе, далекое от строгой академической филологии.

Воронеж — драматическая вежа жизни поэта. Почти три года ссыльного проживания. Вспомнится и «яма», и «ворон», и «нож»... Но, с другой стороны, именно в Воронеже в журнале «Сирена» Мандельштам еще в 1919 году печатает «Утро акмеизма». Именно «Воронежские тетради» — одна из вершин творчества поэта. Именно в Воронеже, думая о преходящем и вечном, предметно-географическом и географически-всечеловеческом, он как бы прокладывает духовный путь «от молодых еще воронежских холмов к всечеловеческим, яснеющим в Тоскане». А Анна Ахматова, не надолго приезжавшая к поэту в наш город, позже скажет: «Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен».

Воронеж, Россошь, Анна, Воробьевка, Гремячье — как родственно и напевно звучат эти названия в строке поэта, тяготеющего к классической ясности, созидавшего неповторимое в здании классического русского стиха.

Анна, Россошь и Гремячье, —
Я твержу их имена,
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.

Современный читатель нашего края благодарно воспринимает не только строки о Доне, о Кольцове, о воронежском просторе, но и непосредственно о воронежской земле-почве, о черноземе, который неоднократно упоминается в «Тетрадах» как живая сила, как чудо и дар природы человеку. Да и открываются «Тетради» стихами с названием «Чернозем»: «Ну, здравствуй, чернозем: / будь мужествен, глазаст... / Черноречивое молчание в работе».

В «Воронежских тетрадах» гораздо зримее, нежели прежде, проявятся начала патриотические, исторические (вплоть до «Слова о полку Игореве»).

Осип Мандельштам
участвует в заседании
худсовета Воронежско-
го Большого театра
(фрагмент)

Социальные токи, чувство приобщенности к исполненной трагедийности народной судьбе, тяжелой, державной поступи страны, переломно выстраивающей мир социальной справедливости, явно проступают в них.

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно раздолбный,
Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

И пусть это состояние временное (поэтическое, а не житейское), поэт ощущает себя причастным к новому в советской стране, и люди в их созидательном порыве для него — явь и тайна.

Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу, — и люди хороши.

Или:

Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чащах,
И в товарищах городах...

Разумеется, есть контекст стиха и есть контекст реальной жизни. И поэт в губернский город сослани вовсе не за тяготение к эллинистической культуре. Были особые «читатели» стихов о «горце-мужикоборце» и по смыслу им близким, и неспроста у поэта в «Воронежских стихах» вырвется дерзкое и предвидящее исход собственной судьбы: «Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?»

На открытии мемориальной доски в Воронеже в 1994 году автор этих строк посчитал необходимым сказать об отношении Осипа Эмильевича Мандельштама к языку, на котором он писал. В его статье «О природе слова» находим благодарно-высокие и точные строки о русском языке: «...Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть, что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятель-

ство, — именно: язык. Столь высоко организованный, столь органичный язык не только — дверь в историю, но сама история».

А сегодня русский язык и мы вместе с ним — под очевидной трагической угрозой. «Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. «Онемение» двух-трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории...» Насколько честное, верное прорицание! Как никогда ранее, необходимое. Тревожно взывающее предупреждение.

Виктор БУДАКОВ

* * *

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять —
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.

Вы — именитые вершины,
Дубов косматых именины,
Честь рюисдалевых картин, —
А на почин — лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин!

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной,
Семипалатной простоты.

Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар,
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво!
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея.

А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
Воды набравши с полковша.
Терялся, что моя душа,
Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров,
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели.

15–27 декабря 1936. Воронеж

Эта область в темноводье —
 Хляби хлеба, гроз ведро —
 Не дворянское угодье —
 Океанское ядро ...
 Я люблю ее рисунок —
 Он на Африку похож —
 Дайте свет: прозрачных лунок
 На фанере не сочтешь ...
 Анна, Россошь и Гремячье —
 Я твержу их имена —
 Белизна снегов гагачья
 Из вагонного окна.

Я кружил в полях совхозных,
 Полон воздуха был рот,
 Солнц подсолнечника грозных
 Прямо в очи оборот.
 Въехал ночью в рукавичный
 Снегом пышущий Тамбов,
 Видел Цны — реки обычной —
 Белый, белый, бел покров.
 Трудодень страны знакомой
 Я запомню навсегда —
 Воробьевского райкома
 Не забуду никогда.

Где я? Что со мной дурного?
 Степь беззимняя гола:
 Это мачеха Кольцова —
 — Шутишь, родина щегла. —
 Только города немного
 В гололедицу обзор,
 Только чайника ночного
 Сам с собою разговор,
 В гуще воздуха степного
 Перекличка поездов —
 Да украинская мова
 Их растянутых гудков.

Декабрь 1936. Воронеж

В лицо морозу я гляжу один:
 Он — никуда, я — ниоткуда,
 И все утюжится, плоится без морщин
 Равнины дышащее чудо.

А солнце щурится в крахмальной нищете —
Его прищур спокоен и утешен...
Десятизначные леса почти что те...
А снег хрустит в глазах, как чистый хлеб,
безгрешен.

16 января 1937. Воронеж

* * *

О, этот медленный, одышливый простор —
Я им пресыщен, до отказа!
И отдышавшийся распахнут кругозор —
Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы,
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы.

Я б с ней сработался — на век, на миг один —
Стремнин осадистых завистник —
Я б слушал под корой текущих древесин
Ход кольцеванья волокнистый.

16 января 1937. Воронеж

* * *

На доске малиновой, червонной,
На кону горы Крутопоклонной,
Втридорога снегом занесенной
Высоко занесся санный, сонный
Полугород, полуберег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтою мастикой утепленный
И перегоревший в сахар: жженный.
Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного фламандского уклона,
Не раскаркается здесь веселая кривая
Карличья в ушастых шапках стая! —
И меня сравнением не смущая,
Срежь рисунок мой, в дорогу дальнюю
влюбленный,
Как сухую, но живую лапу клена
Дым уносит, на ходулях убегая.

5 марта 1937. Воронеж